

А. Е. КУЛАКОВСКИЙ И ОЛОНХО

В статье предпринята попытка рассмотреть вопрос об отношении одного из основоположников якутской художественной литературы А. Е. Кулаковского к олонхо – якутскому героическому эпосу. Впервые обращено внимание на описание Кулаковским того впечатления, которое оказывал сказитель олонхо на слушателей, что являются одним из ключевых вопросов научного понимания феномена олонхо.

Ключевые слова: олонхо, слушатели олонхо, якутский язык, эпическое творчество, сказительское искусство, литературный текст, впечатления от олонхо.

V. N. Ivanov

A. E. Kulakovsky and Olonkho

The article attempts to consider an issue of attitude of A. E. Kulakovsky one of the founders of Yakut literature to Yakut heroic epos Olonkho. For the first time drew attention to the description by Kulakovsky of the impression which the narrator olonkho lodged to listeners that are one of the key issues of scientific understanding of the phenomenon olonkho.

Keywords: olonkho, olonkho listeners, Yakut languages, epic creation, narrative art, literary text, olonkho impressions.

Алексей Елисеевич Кулаковский (1877-1926) – один из основоположников якутской художественной литературы, этнограф и общественный деятель вошел в историю как выдающийся знаток традиционных ценностей своего народа, его материальной и духовной культуры. Известно, что он много путешествовал по родному краю. Профессор Г. П. Башарин писал, что он начал путешествовать сразу же после окончания Якутского реального училища и вплоть до своей смерти. Он исколесил почти всю Якутскую область: путешествовал по Лене, Вилюю, Алдану, Колыме, Яне, Индигирке, Олекме и др. рекам; по Якутско-Охотскому, Якутско-Вилюйскому, Якутско-Иркутскому трактам; он побывал на побережьях Ледовитого океана и Охотского моря, в различных улусах Колымского, Якутского, Вилюйского и Олекминского округов [1, с. 16-17]. По свидетельству современников и по содержанию произведений, где бы ни был Кулаковский, всегда это было событием не рядовым. Его фигура всегда вызывала огромный интерес среди жителей, он поражал их своей любознательностью, неуемным вниманием ко всему тому, что было связано с жизнедеятельностью местного населения, особенно с его творческой деятельностью. Например, одно его высказывание может служить ключом к подтверждению этого. Он писал: «Разъезжая по разным делам в течение 25 лет по всей Якутии, я записывал слышанные пословицы во всех уездах и улусах её» [2, с. 105]. Он записывал не только пословицы, но и другие произведения устного народного творчества, о чем свидетельствует уже цитируемый выше сборник его научных трудов, изданный в 1979 г. в г. Якутске.

Хорошо известно, что встречи Кулаковского с местными жителями проходили в поисках талантливых, одаренных от природы людей, обладающих «философским мышлением». Таковых он видел в олонхосутах – сказителях «якутской эпической поэзии». Представители старшего поколения современников поэта не раз вспоминали, что во время своих поездок он любил в

ИВАНОВ Василий Николаевич – д. и. н., проф., директор НИИ Олонхо СВФУ имени М. К. Аммосова, действительный член Академии наук РС (Я).

E-mail: institut-olonkho@mail.ru

IVANOV Vasilii Nikolaevich – Dr. Sci. History, prof., Director of Scientific Research Institute of Olonkho, M. K. Ammosov NEFU, member of The Academy of Sciences Republic of Sakha (Yakutia).

E-mail: institut-olonkho@mail.ru

каждом удобном случае встречаться со сказителями и устраивал их камерные выступления в семейном кругу своих знакомых. Именно здесь, на подобного рода встречах он убеждался в том, что «сколь важное значение имеет язык для каждого данного народа (в т. ч. якутского – В. И.) в отдельности, не говоря даже вообще о языке человека» и проникся пониманием того, что язык – «это главное и могущественное орудие» человека, народа [2, с. 378].

Позже, вероятно всего в 1924 г., А. Е. Кулаковский написал специальную статью о якутском языке, в которой, обобщая свои многолетние наблюдения, решил высказать «некоторые свои выводы о его достоинствах и недостатках» и обнародовать свое мнение о «богатстве и разнообразии форм якутского языка», что «якутский язык представляет верх совершенства в отношении описательности внешних форм предмета или лица (формы, фигуры, вида и движения и т. д.)» [2, с. 385]. Нетрудно уловить, что эти и другие высказывания Кулаковского о родном языке, главным образом, опираются на его наблюдения над языком олонхо, о чем свидетельствуют неоднократные ссылки на материалы «якутских сказок», которые «в то же время так привлекательно прекрасны». Произведения олонхо, по его мнению, служили неисчерпаемым источником развития языка, особенно так называемыми «картинными словами», которыми буквально «испещрены песни и сказки» якутов.

Не будет преувеличением сказать, что А. Е. Кулаковский своими размышлениями о языке родного народа установил правило, согласно которому невозможно понять феномен якутского языка, не обладая всем богатством и «достоинствами» языка «сказок», т. е. родного эпоса. По его мнению, «язык этот поэтичен, красочен и богат своими смелыми сравнениями, приятными для якутов повторениями, образностью и обилием слов, присущих исключительно сказкам и песням» [2, с. 380]. Мало сказать, что здесь мы имеем дело с научным определением того, что такое язык якутского эпического творчества; надо признать, что это определение Кулаковского до сих пор продолжает оставаться свидетельством глубокого проникновения во «внутреннее содержание» олонхо, в его «этическую» сторону, т. е. в самую природу «якутской эпической поэзии». К тому же он считал, что «вообще якутский язык очень фигуральный, а в народном эпосе – витиеватый, любящий аллегории и сравнения в длиннейших периодах, потому для исследователя-европейца весьма трудный» [2, с. 11]. Так мог рассуждать тот, который изнутри знал олонхо, свободно разбирался в сложном лабиринте эпического творчества.

К большому сожалению, А. Е. Кулаковский не оставил специальной работы об олонхо. Поэтому нам приходится иметь дело с его «беглым взглядом вообще на якутскую сказку». Этот взгляд состоит буквально из нескольких предложений, а они следующие: «Фабула для всех них общая: представитель доброго начала – «богатырь света» – борется с представителями злого начала – «богатырем тьмы» – из-за обладания прекрасной девушкой и, после многих испытаний и мук, все-таки торжествует победу. Фантазия в сказках не имеет границ: она превосходит даже фантазию в арабских сказках из «1001 ночи». Но эти достоинства блекнут перед языком сказок...» [2, с. 380]. Коротко и ясно, как в словнике энциклопедического словаря. Но здесь присутствует одна очень важная мысль – в олонхо главное достоинство принадлежит языку, а не фабуле, т. е. содержанию. И это на первый взгляд тонкое, но по существу необычное для многих наблюдение Кулаковского создает самое точное понимание феномена якутского олонхо, как особого жанра устного народного творчества, отличительной чертой которого является приоритет исполнительского мастерства олонхосута-сказочника. Именно это заметил выдающийся русский фольклорист И. А. Худяков, слушая олонхосутов заметивший, что олонхо – это театр одного человека или «якутская сказка есть зародыш народной оперы» [4, с. 368].

А. Е. Кулаковский идет дальше, обращая свое внимание на «впечатление», которое производили олонхосуты-сказочники на слушателей. Вот что он писал: «Взгляните на якутскую семью, слушающую в долгую зимнюю ночь сказочника. Все – и стар и млад – сгучились вокруг него, словно голодные дети вокруг матери. Тут и дряхлый дед, которому покой на наре дороже всего. Его ничто, кроме родной сказки, не заставило бы добровольно оторваться от теплой постели. Тут и отец семейства, мужчина зрелых лет с утилитарным мировоззрением, которого пустые забавы, вроде «остуоруйа», более не интересуют и который после дневных работ сильно устал и желал бы предаться обычному отдыху. Здесь же сидит со своим шитьем, забитая дрызгами и заботами дня, хозяйка дома. Ей сон весьма нужен, так как встает раньше всех, ложится позже

всех и устает больше всех. Тут сидят даже малыши, прекратившие свои обычные шалости и капризы, а также подростки, которым мало понятны слова поэзии, но которых сильно увлекли фабула и фантастичность сказки. Тут же бодрствует и случайный гость, которому завтра предстоит встать рано и пуститься в дальний путь.

Сказку слушают с раннего вечера и до «предутреннего сна», т. е. подряд 13-14 часов. (Богачи иногда заставляли рассказывать сказки подряд по трое суток с короткими перерывами для сна и еды). Слушают все с затаенным дыханием, сильно увлекаясь и стараясь не проронить ни одного слова. А, ведь якуты, вообще, довольно апатичный народ, с холодным темпераментом, – порождением их холодного неба... Каждый позабыл свои заботы, свое горе и унесся в волшебный, прекрасный мир чарующих грез... А сам сказочник, как истинный поэт, увлекся больше всех: у него даже глаза закрыты, чтоб окончательно отрешиться от «грешной» земли с ее злободневными дрызгами и прозой; он закрыл пальцем отверстие одного уха, чтобы звонче раздавалось в мозгу собственное пение, под такт которого мерно покачивается его туловище. Он забыл про сон, про отдых, про все на свете... В глазах слушателей сказочник совершенно преобразился: это не прежний знакомец Уйбаан, а какое-то сверхъестественное прекрасное существо, окруженное таинственным ореолом...» [2, с. 379-381].

Это – замечательное описание единства устного сказительского искусства и слушателей эпической поэзии. Оно производит сильное впечатление по своей точности и правдивости. Именно в такой обстановке олонхо обретало свою волшебную силу, энергию своего влияния на «умы и сердца» слушателей, создавая особую атмосферу творческого единства и эстетического общения. Вчитываясь в описание Кулаковского, полностью восстанавливаешь картину эпического действия, в которой удивительно умело сливались словесное и песенное начала творческого вдохновения. Только так воспринимается феномен якутского олонхо; это его свойство намного шире и глубже самого текста олонхо. Прислушиваясь к описанию Кулаковского, читатель «входит» в мир эпического творчества, улавливает не только все подробности содержания олонхо, но как будто бы слышит голос каждого героя эпического действия, его эмоционального настроения, его героического путешествия по эпическому пространству и т. д. Иными словами, в этом кратком, но отчетливом и ясном описании А. Е. Кулаковский воссоздал истинно народное, если угодно «картинное», понимание олонхо, его традиционный статус устной эпической поэзии. Считаю, что сейчас необходимо обратить очень серьезное внимание на это описание Кулаковского, когда многие стали увлекаться литературным текстом, поглощая им понимание олонхо. Но это далеко не так...

Выше я отмечал, что А. Е. Кулаковский не оставил после себя специальной работы по олонхо. Но, думаю, я ошибся. Приведенное в тексте данной статьи описание А. Е. Кулаковского приводит меня на первый взгляд к странному, но по сути вполне научному мнению; мне показалось, что он сказал абсолютно всё об олонхо, как о самом действенном, уникальном жанре устного словесного творчества родного народа. Он сказал не много, но удивительно глубоко и всеобъемлюще. И этим самым исчерпал понятие олонхо; до него и после него никто из эпосоведов не сказал сильнее его о сказительском искусстве олонхосутов, о том, как «сказка производит такое сильное впечатление на слушателей» [2, с. 380]. В этом вся правда об олонхо.

В современном эпосоведении позиция А. Е. Кулаковского не всегда и не везде находит своего продолжения и развития. Из авторов, затрагивающих проблему единства сказителя и слушателя, можно выделить Б. Н. Путилова, которому удалось удачно решить ее на примере многонационального эпоса народов бывшего Советского Союза. Говоря о том, что «сказитель живет в мире эпоса, то есть он знает во всех подробностях и с последовательности содержание поэм; помнит всех героев с их устойчивыми характеристиками, взаимными отношениями и т. д.; хорошо владеет всем набором поэтических блоков, формул; знает приемы перехода от одного эпизода к другому, способы описаний, «он отмечает, что «слушателей одинаково захватывали содержание поэмы и исполнение ее (подчеркнуто мною. – В. И.), у мастеров всегда экспрессивное, богатое оттенками» [3, с. 8-9]. Не это ли поддержка позиции А. Е. Кулаковского видным российским эпосоведом Б. Н. Путиловым?

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00496 (а).

Литература

1. Башарин Г. П. Жизнь и деятельность А. Е. Кулаковского // Кулаковский: Сб. докл. к 85-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Кулаковского. – Якутск, 1964. – С. 16-17.
2. Кулаковский А. Е. Научные труды. – Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. – 481 с.
3. Путилов Б. Н. Предисловие // Героический эпос народов СССР. – Л.: Лениздат, 1979. – С. 3-32.
4. Худяков И. А. Краткое описание Верхоянского округа. – Якутск: Бичик, 2016. – 445 с.

References

1. Basharin G. P. Zhizn' i dejatel'nost' A. E. Kulakovskogo // Kulakovskij: Sb. dokl. k 85-letiju so dnja rozhdenija Alekseja Alekseevicha Kulakovskogo. – Jakutsk, 1964. – S. 16-17.
2. Kulakovskij A. E. Nauchnye trudy. – Jakutsk: Jakut. kn. izd-vo, 1979. – 481 s.
3. Putilov B. N. Predislovie // Geroicheskiy jepos narodov SSSR. – L.: Lenizdat, 1979. – S. 3-32.
4. Hudjakov I. A. Kratkoe opisanie Verhojanskogo okruga. – Jakutsk: Bichik, 2016. – 445 s.

